

1989 — 1 апр. — С. 3

«ВЫЗОВЫ ИЗ ХАОСА СТРОЙНОСТЬ»

К 180-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

ТВОРЧЕСТВО Гоголя, как всякого великого писателя, не могло открыться современникам сразу, всеми своими сторонами, в том числе и самым проницательным современником. «Вечера на хуторе близ Диканьки» были восприняты под знаком веселости: «все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего...» Этаким нескончаемым карнавалом. Но вот интересно, что самих гоголевских героев довольно часто посещают мрачные мысли, тревожат скверные предчувствия. Здесь берет начало тот главный материк его творчества, образумый и «Ревизором», и «Шинелью», и «Мертвыми душами», о котором можно сказать словами Пушкина: «Боже, как грустна наша Россия!»

Но такими нетрадиционными были гоголевские пошляки и обыватели, что не давались в руки профессиональным эстетикам. Совсем они не злодеи, не великие грешники, не кровожадные чудища. Говоря о произволе и подкупности администраторов в «Ревизоре», даже как-то неловко называть сегодня размеры их взятки — какое-нибудь «платье супружнице» или борзой щенок. А Чичиков? Так ведь он по современным понятиям просто гуманист: «Несчастливым я не сделал никого: я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру, пользовался я от избытка, брал там, где всякий брал бы; не воспользуюсь я, другие воспользовались бы».

«Другие»... Величайшая сила Гоголя в массовости его персонажей. С одной стороны, они необычны, определены, рельефны, шиты, говоря гоголевским языком, «на вечную носку». А с другой — все в них подвижно, текуче, повседневно; все «как у людей», то есть как у нас с вами, читатель.

И высокие материи им нечужды, метафизические вопросы порой занимают, как бы косноязычно или неопределенно они их ни выражали.

Вот, скажем, многим из гоголевских героев свойствен страх перед небытием, перед всепоглощающей бездной смерти, выражающейся в страстном желании продлить род свой. Чичиков мечтает о Чиченках, которые не дадут ему исчезнуть бесследно, как пузырь на воде. Подколесину (в «Женитьбе») Кочкарев рисует заманчивую перспективу: «Ну, что ты теперь такое? Ведь просто бревно, никакого значения не имеешь... А тут, вообрази, около тебя будут рьятишки... и все на тебя, как две капли воды...» И тронулось сердце закоренелого холостяка: «А оно в самом деле даже смешно, чорт побери, этакой какой-нибудь пышка, щенок эдакой, и уж на тебя похож».

Ну ладно: пусть это только элементарная потребность, инстинкт продолжения жизни. Но вот Бобчинскому важно отнюдь не физическое, а некое идеальное и притом совершенно бескорыстное увековечение его существования. «...Как поедете в Петербург (просит он мнимого ревизора), скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский». Но ведь, между прочим, и самого Гоголя в молодые его годы силь-

но тревожила угроза, что судьба ответит ему «черную квартиру неизвестности в мире», и он сокровенно мечтал о том, чтобы «означить» свое имя. Такое понятное, общечеловеческое чувство!

Однако при всей массовости и человечности гоголевских персонажей, мы, кажется, не очень склонны признать свое сходство с ними. Скорее проведем параллель с каким-нибудь картинным злодеем, чем с Чичиковым или Собакевичем. То есть если говорить о сходстве с ними соседа или приятеля, — это пожалуйста («Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!» — фраза в «Мертвых душах»), но о сходстве с собой — ни-ни. Это оттого, что не так-то прост гоголевский смех — в нем, наряду с мягкостью, есть и нелюбимая жесткость, бескомпромиссность, он умеет выставлять человека в неприглядном свете. Не случайно Макарь Девушкин (в «Бедных людях» Достоевского) обиделся на Гоголя даже за тайшащего Башмакина: зачем он, сочинитель, подсмотрел его жизнь, во всех жалких домашних подробностях.

Гоголь «подсмотрел» и такую фундаментальную черту человеческого существования, как прогрессирующее отчуждение и разобщенность. В его творческой манере ощущается несомненное предвещание Франца Кафки, который, кстати, знал и ценил произведения русского писателя. Не случайно и глубокое тяготение к трагическому гротеску Гоголя у В. Набокова, автора романа «Приглашение на казнь». Зло необязательно приносится в мир сознательной волей — очень много зависит от трагического непонимания или недопонимания, разноречия, странной игры человеческого ума и обстоятельств, от

того, что Гоголь называл демоном «путаницы». Стройность и нестройность — важнейшие опоры художественного мира Гоголя с той только печальной разницей, что нестройность существует и правит бал, а стройность мыслится как чаемое будущее. «Внеси святой порядок... спаси и разгони хаос, в котором бысть мир... Вызови из хаоса стройность», — гласит одна из гоголевских записей.

Да, пожалуй, только в наше время поняли мы, как велик и злободневен этот художник. В рассказе «Лейтенант Ярецкий», принадлежащем перу одного из виднейших писателей XX века Германа Броха, заглавный герой и его товарищ заставляют окружающих вспомнить гоголевскую поэму: «Все они мертвые души... А быть может, и все мы. Каждого где-то прихватили». Мы еще помним те дни, когда нам твердили, будто «мертвые души» — это только продукт крепостного права. Ан нет, дело много серьезнее: ведь «прихватили» героев Германа Броха все прелести нашего времени, с его братоубийственными войнами, фашизмом, омертвляющей тоталитарной идеологией.

Гоголь поднял со дна человеческого бытия такие проблемы, увидел в современной ему жизни такие «страхи» и «ужасы», что почувствовалось просто необходимым немедленное вмешательство, прямые действия. Думаю, что отчасти в этом происхождение его последней прижизненной книги.

«Выбранные места из переписки с друзьями» — важный и драматический эпизод истории русской общественной мысли.

Да, конечно, Белинский был не прав, даже бестактен, подзревая автора «Переписки» в корыстных намерениях. Да, ко-

нечно, критик обошел все богатое общественное и эстетическое содержание книги, построенное прежде всего на идее христианского самовоспитания. Только вряд ли исторически корректна дилемма: или «философы самосовершенствования», или «бомбометатели». Ведь не к бомбометанию призывал Белинский; его требования — «уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». И он скорбел оттого, что в стране «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Он говорил, что России нужны законы, «сообразные с здравым смыслом и справедливостью». Кто рискнет утверждать, что эта задача уже неактуальна? Словом, идея воспитания внутреннего человека не исключает усилий, направленных к «перемене внешних обстоятельств», если только эти усилия действительно не переходят в «бомбометание».

Но в чем Белинский был абсолютно прав (и не только он, но, скажем, и С. Т. Аксаков), так это в том, что говорил о неоправданном умалении Гоголем в это время своего художественного творчества. Перед лицом «Переписки» Гоголь признавал «бесплезность всего, доселе... напечатанного», т. е. и «Ревизора», и «Мертвых душ», и «Шинели», и других шедевров. Тех шедевров, которые полтора века питают духовную жизнь России, а сегодня благодаря своей глубине и неисчерпаемости вышли на авансцену мировой культуры.

Юрий МАНН.